

АЛЛЕГОРИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ БАСНЯХ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.10250125>

Ганиев Фазлиддин Зоирович

Докторант Бухарского государственного университета

fazli_ganiev@yahoo.fr

Аннотация

В данной статье говорится об аллегории в европейских баснях. Басня – это инструкция, замаскированная под аллегорию действия. Это маленькое эпическое стихотворение; кто уступает только великому по размаху и кто менее стеснен в выборе своих характеров, может по своему желанию выбирать от природы то, что ему угодно заставить действовать и говорить по своему замыслу; которая может даже создать актеров, если необходимо, то есть олицетворять все, что она себе представляет.

С самого начала аллегория предстает как структурирующее понятие, в двойном аспекте действия - со строго дидактической целью - и персонажей - сведенных к актантам, даже персонификациям абстракций.

Ключевые слова

аллегория, литература, семантика, познавательное, литературное чтение, ментальное, психосоциальное, Классическая аллегория.

ВВЕДЕНИЕ

Термин аллегория (от греческого : ἄλλος / *állos* – «другой» и ἀγορεύω / *agoreíō* – «публичное выступление») состоит из выражения мысли в изобразительной форме с целью сделать понятным в буквальном смысле другое значение, которое тот, на который нацелен текст. Оба значения должны быть последовательно сохранены в аллегории.

Среди античных теоретиков аллегорию часто путали с метафорой. В то время как метафора касается одного элемента, аллегория касается множества элементов, организованных в синтаксисе. «подробные изотопии».

Если мы хотим задуматься о характеристиках литературного жанра, мы сначала сталкиваемся с проблемой отбора произведений для включения в изучаемый корпус. Для построения модели, способной стать прочным ориентиром для всего литературного поля, необходимо, прежде всего, принять во внимание все тексты, уже идентифицированные как попадающие

в «горизонты такого жанра» и подчиняющиеся: [2] текстам, для которых некоторые создают «определенные модели письма» – другими словами, которые уважают должным образом кодифицированные ограничения и направлены на удовлетворение точных ожиданий. Но этот критерий заведомо недостаточен. Некоторые литературные произведения, не претендующие на принадлежность к этому семейству текстов, но имеющие с ними схожие характеристики, рискуют быть проигнорированы при анализе; в то время как другие, явно связанные с ним, на самом деле могут претендовать лишь на сомнительное происхождение – и само это намерение, а также связь, которую текст претендует установить с рассматриваемым жанром, не оставляют места для сомнений.[3]] Поэтому крайне важно, во-вторых, перечитать все тексты в свете уже построенной модели, чтобы переформулировать ее и сделать более эффективной. Ни одна модель, архетип или архетекст на самом деле не исчерпывает всю вселенную захваченных текстов, под страхом игнорирования необходимых различий, которые выявляют одну из главных особенностей литературного факта: его внутреннюю оригинальность. Ни одну модель ни в коем случае нельзя путать с конкретным текстом под угрозой сведения его к чисто виртуальному объекту. [4] И мы сможем, наконец, утверждать, что построение такой модели всегда является невозможным занятием или, по крайней мере, бесполезным, если мы не релятивизируем ее, принимая во внимание определенные эффекты эквивалентности противоположностей, одновременность последовательных действий, а также неизбежный субъективизм исследователя. Короче говоря, если модель является, по преимуществу, артефактом, который никогда не трансформируется в литературный факт, она, тем не менее, представляет собой ментальный и психосоциальный объект, имеющий существенное значение для восприятия и выражения любого конкретного культурного явления.

МЕТОДЫ И АНАЛИЗЫ

Вся литература основана на определенном количестве постулатов, касающихся того, как ее следует читать и понимать. В конечном счете, тексты данного общества говорят нам о том, каким образом оно воспринимает и регулирует производство смысла.[5] И эти правила могут меняться от одной эпохи к другой, как показывает размышление о судьбе аллегорий. Прошлое величие этой фигуры и его нынешние страдания, вероятно, основаны на чем-то ином, чем на преходящем увлечении или исторической «мистификации». Глубоко антагонистические позиции, возникшие вокруг

аллегии, представляют собой нечто большее, чем просто спор из-за слов, и вызывают подозрения в наличии серьезных эпистемологических проблем. Хотя аллегория издавна была местом, где литература может самоутвердиться и проявить себя, для многих наших современников аллегория воплощает само отрицание литературного прочтения. [6] Мы рассмотрим, за счет какого сдвига смысловых, когнитивных и философских ценностей мы пришли к осуждению этой фигуры и не играет ли на недоразумении та переоценка, которую попыталась провести американская деконструкция в 1970-х годах. Потому что, если древняя аллегория мертва, то, возможно, это даст больше места для игры чтения и интерпретации, символом которой она изначально была.

Термин «аллегория» имеет более широкое значение, чем можно было бы подумать на первый взгляд, поскольку он применим как к текстам, так и к определенному типу операции чтения.[7] Текст называется аллегорическим, если при первом прочтении он предлагает одно значение и скрывает другое, точность и актуальность которого становятся очевидными с того момента, как читатель проделал необходимые игры с транспозицией.

В классической аллегории открытие этого скрытого смысла, который должен быть «истинным», чаще всего происходит в результате потермального преобразования в абстрактно-тематическое содержание конкретных и изобразительных данных, предлагаемых текстом. Аллегория часто определяется как «продолжающаяся метафора».[8] Это определение будет подвергнуто критике Фонтанье в его «Обоснованном комментарии». Последний, признавая, что аллегория есть метафора, настаивает на существенном, по его мнению, различии, а именно на том, что метафора раскрывает только одно значение, тогда как аллегория сохраняет два постоянных значения – буквальное и переносное.[9]

Поэтому в своих «Фигурах дискурса» он скорее предложит в качестве определения: Предложение с двойным значением, с буквальным значением и духовным значением вместе взятым, с помощью которого мы представляем мысль под образом другой мысли, способной сделать ее более чувствительнее и более поразительно, чем если бы оно было представлено напрямую. Точно так же Морье определит аллегория как «систему отношений между двумя мирами». Постулируя для аллегории постоянное сосуществование буквального и фигурального, Фонтанье будет вынужден предложить термин «аллегоризм» для обозначения случаев, когда буквальное значение имеет тенденцию стираться переносным. [9] Но различие между этой последней

концепцией и концепцией аллегории не убедительно и не было сохранено потомками.[10] Со своей стороны, мы считаем необходимым различать метафору и аллессию по познавательной работе, которую они требуют от читателя. Затем мы увидим, что скрученная метафора не обязательно соответствует аллессии. Конечно, общим для этих двух фигур является то, что они играют на сравнимом (исходная точка) и сравнимом (метафоризирующий термин), которые могут развиваться в модусах *in presentia* или *in absentia*. Отрывок из Пруста предлагает вкусные примеры этих двух режимов работы:

... моноколь генерала, остававшийся между его веками, как шрапнель, на его вульгарном, покрытом шрамами и торжествующем лице, в середине лба, который он ослепил, как единственный глаз Циклопа, показался Свану чудовищной раной, которую он мог было славно получить, но неприлично было выставить.[11]

... Господин де Паланси, который со своей большой карповой головой и круглыми глазами медленно двигался посреди вечеринки, время от времени ослабляя жвалы, как будто пытаясь найти направление, казалось, нес с собой случайный фрагмент, и, возможно, чисто символическое, остекления его аквариума. [12]

Авторы Средневековья впоследствии широко использовали аллессию, освободившись от богословских рамок для выхода в область литературы. профанный. Мы можем процитировать один из самых известных романов того периода, «Роман о розе» (13 век) Гийома де Лорриса и Жана де Менга, который принимает форму аллессического сна.[13]

В дальнейшем эта фигура речи широко использовалась в баснях и притчах. Можно привести животных из знаменитых басен Жана де ла Фонтена, которые являются аллессиями придворных людей. Одна из таких басен, «Лев», оказывается аллессией монархии.

Эта фигура речи не является прерогативой литературы и широко используется также в области живописи. Мы представляем такие символы, как Справедливость, повторяющиеся изображения, такие как, например, меч или весы.

Вот несколько известных аллессий:

- **Аллегория пещеры:** Аллегория пещеры — это аллегория, изложенная Платоном в VII книге «Государства». На нем изображены люди, скованные цепями и обездвиженные в пещере. Они поворачиваются спиной ко входу и видят только свои тени и тени, отбрасываемые предметами, находящимися позади них.[13]

• **Аллегория справедливости:** Титан *Фемида* в греческой мифологии изображается с мечом в одной руке, весами в другой и повязкой на глазах.

• **Аллегория смерти:** представлена скелетом, вооруженным косою (часто называемой «Жнецом», потому что она использовала это оружие, чтобы пожинать жизни). Мы находим это, например, в «Доме Жуане» Мольера.

• **Аллегория короля:** В «*Баснях Лафонтена*» король Людовик XIV был представлен львом, а его подданные – лисой (хитрой и лживой) и другими животными. Третье сословие символически изображалось в виде овцы или ягненка.[14]

• **Аллегория тревоги:** картина Эдварда Мунка «*Крик*» .

• **Аллегория свободы :** картина Эжена Делакруа «*Свобода, ведущая народ*» (1830).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наконец, хотя аллегория еще иногда отождествляется с риторикой в целом, символ едва успел подняться до ранга формально признанной фигуры. Таким образом, Дю Марсе и Фонтанье, естественно, игнорируют этот термин. [15] Только после освящения символа романтиками словари попытались придать ему некоторые атрибуты, до сих пор сохранявшиеся за аллегориями. Таким образом, Ларус определяет его как «Фигуру, с помощью которой мы заменяем имя вещи именем знака, который был выбран для ее обозначения». Литтре слово в слово воспримет то же определение, за исключением того, что термин «фигура» будет заменен смущенным и неубедительным «видом тропа». В этом ему очень преданно будет следовать Лаусберг. Но Премиерг поясняет, что «символ – это не троп». И этот термин не рассматривается группой и, а Дюприе уклоняется от ответа на этот вопрос. Лишь недавно ситуация изменилась и были предприняты попытки отойти от этой ложной дихотомии. Так, противопоставляя символу скорее метафору, чем аллегория, Жерар Бессет видит в нем «неясную метафору, которая имеет вместо одного только первого термина несколько, между которыми второй термин как будто колеблется, но что он предполагает все»

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. АКИЕН, Мишель, 1993, Поэтический словарь, Париж, Le Livre de Poche.
2. БЕНЬЯМИН, Вальтер, 1985 [1925], Происхождение немецкой драмы барокко, Париж, Flammarion.

3. БЕССЕТ, Жерар, 1960, *Образы во франко-канадской поэзии*, Монреаль, Бошемен.
4. G'aniev F. MASAL JANRINING RIVOJLANISHIDA FONTEYN IJODINING O'RNI //ЦЕНТР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ (buxdu. uz). – 2023. – Т. 28. – №. 28.
5. Ганиев, Ф. З. (2023). ЖАНРОВАЯ СИСТЕМА В БАСНЯХ ХРИСТИАН ФЮРХТЕГОТТ ГЕЛЛЕРТА. *Gospodarka i Innowacje.*, 34, 397-403.
6. G'aniev F., Elmurodov F. FRENCH IN LITERATURE PARABLE TRADITIONS //International Bulletin of Applied Science and Technology. – 2023. – Т. 3. – №. 6. – С. 333-335.
7. Ganiyev F. ANALYSIS OF LA FONTAINE' S FABLES AS A LITERARY GENRE IN EUROPEAN LITERATURE.
8. G'aniev F. МАСАЛ ЖАНРИ ТАРИХИ ВА УНИНГ АДАБИЁТШУНОСЛИҚДАГИ ЎРНИ //ЦЕНТР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ (buxdu. uz). – 2023. – Т. 28. – №. 28.
9. Narzoullaeva, D. B. (2023). Théolinguistique-une tentative de vulgarisation du terme. *Innovative development in educational activities*, 2(6), 58-63.
10. Bafoevna, N. D. (2023). Theolinguistics in Modern Religious Discourse. *INTERNATIONAL JOURNAL OF LANGUAGE LEARNING AND APPLIED LINGUISTICS*, 2(3), 18-21.
11. Narzullayeva, D. (2023). ТЕОЛИНГВИСТИКА ВА ТЕОЛИНГВИСТИК БИРЛИКЛАР ТАДҚИҚИ. ЦЕНТР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ (buxdu. uz), 42(42).
12. Narzullayeva, D. (2023). VOCABULARY OF THE QUR'AN IN THE OBJECT OF THEOLINGUISTICS. ЦЕНТР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ (buxdu. uz), 35(35).
13. Narzullayeva, D. (2023). ИСТОРИЯ ТЕОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ЦЕНТР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ (buxdu. uz), 35(35).
14. Bafoevna, N. D. (2023). Teolingvistik Terminlarning Qo'llanilish Uslublari. *Miasto Przyszłości*, 36, 73-76.
15. Bafoevna, N. D. (2023). Discours Des Traductions Du Coran. *Best Journal of Innovation in Science, Research and Development*, 2(5), 315-319.